

УДК 94(470)

Д.Ю. Бородин

ЗАПАДНОСИБИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 г. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РУСИСТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Анализируется отражение истории западносибирского восстания 1921 г. в англоязычной историографии постсоветского периода. Признавая западносибирское восстание 1921 г. крупнейшим из массовых сельских движений 1917–1922 гг., западные историки не проводили конкретно-исторических исследований по этой теме, полагаясь в построении концепций на фактические сведения из работ публицистов-эмигрантов и советских историков. Концептуальные построения западных русистов в этой области до сих пор характеризуются, во-первых, противостоянием «тоталитаристов» и «ревизионистов», а во-вторых, низкой степенью осведомленности о результатах новейших российских исследований по данной теме.

Ключевые слова: западносибирское восстание 1921 г., англоязычная историография.

Несмотря на то, что западносибирское восстание 1921 г. оценивается как самое крупномасштабное в России 1920-х гг., оно до сих пор не попадало в сферу непосредственных исследовательских интересов зарубежных историков. Информация о западносибирском восстании поступает к зарубежным коллегам, как правило, из работ эмигрантов первой волны, реже – из трудов советских историков. Сегодня, как и во времена существования Советского Союза, зарубежные исследователи в основном помещают сибирские события в общероссийский контекст, прослеживая типологическое сходство между ними и сельскими движениями, охватившими в 1920–1921 гг. другие регионы России.

В настоящее время упоминание о западносибирском восстании 1921 г. можно встретить практически во всех серьезных англо- и франкоязычных работах по истории массовых сельских движений в Советской России, изданных после 1991 г. [1–3]. При этом в кратких изложениях истории восстания, используемых в иллюстративных целях, к сожалению, допускается очень много фактических неточностей. Например, известный американский историк Р. Пайпс относит начало восстания не к концу декабря 1920 – январю 1921 г., а к 9 февраля 1921 г., хотя к указанной дате восстание уже приближалось к своему пику [3. С. 338]. Британский историк О. Файджес, справедливо указывая, что оно охватило Тобольскую, Омскую, частично Екатеринбургскую и Челябинскую губернии, ошибочно включает в этот список и Томскую губернию [1. С. 423].

Именно масштабы восстания время от времени наводят зарубежных историков на мысль о том, что уровень знания о западносибирском

восстании, существующий, к примеру, в англоязычной литературе, не соответствует исторической значимости этого события. Так, в 1994 г. известный британский специалист Дж. Хоскинг, отмечая, что западносибирское восстание было, вероятно, крупнейшим по количеству вооруженных участников и по территориальному размаху, указывал на то, что западным историкам о нем известно очень мало. Примечательно, что преодолеть существующий дефицит знаний Хоскинг предлагал не через изучение имеющихся в изобилии в России и Казахстане архивных источников, а, распространив на западносибирское восстание выводы, сделанные американским историком О. Рэдки в работе «Неизвестная гражданская война» в 1976 г., в условиях, когда советские архивы были еще не доступны [2. С. 77].

Одним из продолжателей исследовательских традиций, заложенных Рэдки, является американский специалист В.Н. Бровкин, чья работа «За фронтами Гражданской войны: политические партии и социальные движения в России, 1918–1922» оказала значительное влияние на зарубежную и отечественную историографию массовых сельских движений [2]. Вслед за Рэдки Бровкин трактует Гражданскую войну в России как комплексное социально-политическое противостояние, составной частью которого была «крестьянская война». Придерживаясь традиций «тоталитаристского» течения в североамериканской русистике, Бровкин подверг критике тезис советской историографии, разделяемый западными «ревизионистами», о том, что большевики одержали победу в Гражданской войне благодаря социальной поддержке рабочего класса и крестьянства.

Особый интерес для Бровкина представляли крестьянские движения в тылу «красных» и «белых» армий. Поскольку крестьянское сознание оставалось традиционным и ведущая идентичность была по определению местечковой, ни «красные», ни «белые» не могли успешно мобилизовать крестьянство для достижения своих целей. Суть крестьянской позиции состояла в сопротивлении попыткам как «белых», так и «красных» установить контроль над деревней. Крестьянское сопротивление Бровкин отождествлял с «зеленым» движением, понимая последнее как «крестьянский защитный механизм, служивший для того, чтобы утаивать от ...правительства то, что оно стремилось «выжать» из деревни: призывников, лошадей и зерно. Это было движение, стремившееся избежать службы центральному правительству, движение против участия в гражданской войне ... движение в защиту местных интересов» [4. С. 145].

На взгляд американского историка, не только содержание, но и причины «зеленого» движения по всей России были поразительно схожими. В этой связи «крестьянская война» в Западной Сибири отличалась от прочих только тем, что в военном отношении она была наиболее успешной. Западно-Сибирское восстание 1921 г. фигурирует в монографии Бровкина под названием «Тобольское восстание». Автор считает его «интереснейшим эпизодом в саге крестьянской войны»: от большевиков была освобождена огромная территория, восставшие крестьяне сумели захватить и удерживать в течение 2–3 месяцев несколько городов [4. С. 377]. Однако представление историка о столь длительном контроле повстанцев над захваченными городами является ошибочным. Данная ошибка вызвана тем, что, не имея возможности изучить архивные материалы по истории Западно-Сибирского восстания 1921 г., Бровкин некритически воспринял данные, приводившиеся в работах других авторов. В результате в его монографию перекочевали фактические ошибки из очерков публицистов-эмигрантов первой волны Н.А. Обрановского, П. Турханского и работы историка-диссидента М. С. Френкина, которые автор дополнил собственными умозрительными заключениями. Так, например, одним из факторов, способствовавших первоначальному успеху восстания, американский историк считал то, что оно началось в очень удобный момент, когда большевистское руководство было занято подавлением Кронштадтского выступления. На самом же деле эти события разделяли, по крайней мере, два месяца.

Предложенная Бровкиным модель Гражданской войны предполагает активное участие политических партий социалистического толка в массовых движениях. Вполне в рамках данной модели Бровкин рассматривает эсеров в качестве организаторов западносибирского восстания 1921 г., полностью повторяя в этом советскую концепцию восстания, правда, поменяв оценки с негативных на позитивные. Доказательством определяющей роли эсеров в организации массового движения в Западной Сибири автор считает то, что восставшие разделяли эсеровские ценности и использовали эсеровскую терминологию. Попытки же эсеровского руководства, находившегося за границей, дистанцировать свою партию от восстания Бровкин объясняет стремлением лидеров партии уберечь находившихся в России товарищей от чекистского террора [4. С. 381]. Вслед за Обрановским и Турханским Бровкин отмечал особую жестокость большевиков при подавлении восстания (а также ответную жестокость по отношению к коммунистам со стороны восставших и ожесточенность их сопротивления). Единственной причиной прекращения движения Бровкин, как и русские эмигранты первой волны, считал карательные меры, а не изменения в политике большевиков.

Серьезный вклад в утверждение в зарубежной русистике концепции освободительной борьбы российского крестьянства против большевистского режима внес французский историк Н. Верт [5]. Верт использовал историю западносибирского восстания 1921 г. для иллюстрации основных положений своей теории, выстроенной в лучших «тоталитаристских» традициях. Отправной точкой для Верта послужил тот факт, что завершение к концу 1920 г. войны против белых, которую вел большевистский режим, не привело к установлению гражданского мира в России. Напротив, по мнению историка, конфликт между новым режимом и значительной частью населения страны (крестьянством) становился все острее, а меры, используемые большевиками для установления тотального контроля над деревней, все жестче. Война государства против крестьянства и, в свою очередь, сопротивление крестьянства достигли своего апогея в первые месяцы 1921 г., когда большевики фактически утратили контроль над целым рядом губерний. Деревня оказалась либо в руках многочисленных «зеленых» банд, либо под контролем одной из крестьянских армий [5. С. 108].

Из всех движений, вызванных продовольственной политикой и репрессиями большевиков, «самым крупным, самым организованным и,

следовательно, самым продолжительным по времени» Верт считал тамбовское восстание. При этом историк усматривал определенную преемственность между движениями в Тамбовской губернии и в других регионах, полагая, что Тамбовщина стала очагом, из которого пламя народного протеста распространилось на Поволжье, а также на Западную Сибирь. Впрочем, о способах такого распространения автор умалчивал. Свои знания о западносибирском восстании 1921 г. Верт почерпнул из монографии советского историка М.А. Богданова (1961 г.) и упомянутой выше работы В. Бровкина. Вполне в духе своеобразного «разделения труда», наметившегося между российскими и западными исследователями, французский специалист приводит фактический материал со ссылкой на книгу Богданова, а все умозаключения аналитического свойства – со ссылками на монографию Бровкина. Верт, однако, несколько «подкорректировал» данные Богданова. В то время как у последнего речь идет о контроле повстанцев над частью территории Тюменской, Омской, Челябинской и Екатеринбургской губерний, Верт пишет о том, что «с января по март 1921 г. большевики утратили контроль над Тюменской, Омской, Челябинской и Екатеринбургской губерниями – территорией, по размеру превосходящей Францию» [5. С. 111].

Как бы то ни было, Н. Верт одним из первых в зарубежной исторической науке подверг критике тезис советской историографии о том, что принятие X съездом РКП (б) решения о замене продразверстки продналогом сразу же коренным образом изменило настроение крестьянства и способствовало прекращению массовых сельских движений. Он указывает, что в некоторых регионах (таких как Западная Сибирь) напряжение не спало, по крайней мере, до лета 1922-го. Французский исследователь настаивал на том, что бунтующую деревню, в конце концов, усмирил страшный голод, а не вынужденная либерализация советского законодательства [5. С. 109].

В 1990-е гг. западносибирское восстание 1921 г. привлекло внимание канадского специалиста Н.Г.О. Перейры [5, 6]. Перейра, близкий по своим взглядам к «ревизионистам», является одним из немногих зарубежных историков, специально исследовавших ход Гражданской войны в Сибири. В своей работе «Белая Сибирь: политическая жизнь периода Гражданской войны» Н. Перейра рассматривает западносибирское восстание 1921 г. в контексте других массовых сельских движений, охвативших Сибирь после того, как она

стала частью Советской России. Данная работа носит обобщающий характер, и западносибирское восстание 1921 г. отнюдь не является главным предметом научного интереса историка. По этой причине автор при проведении исследования в основном использовал данные, введенные в научный оборот другими исследователями – М.А. Богдановым, В.И. Шишкиным и М.С. Френкиным.

Собственные изыскания автора по истории Западносибирского восстания 1921 г. не столь значительны и сводятся к нескольким архивным делам из 130 и 393 фондов ГАРФ и статье полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского «Сибирский крестьянский союз», напечатанной в 1922 г. в журнале «Сибирские огни». Сами данные, извлеченные из указанных архивных фондов, касаются политического и социально-экономического состояния региона в период, предшествовавший движению, носят иллюстративный характер и не содержат принципиально новых сведений о событиях 1921 г. в Западной Сибири. История массовых сельских движений 1920–1921 гг. в Сибири, считает Перейра, во многом парадоксальна: поспособствовал разгрому колчаковцев, сибирское крестьянство вовсе не собиралось подчиняться большевикам. Напротив, масштабы массовых сельских движений заметно увеличились в течение года после установления большевистского контроля над Сибирью.

Истоки недовольства сельского населения Сибири «красным игом» автор видит в мероприятиях, проводившихся Советской властью: продразверстке, трудовой и гужевой повинностях [5. С. 160]. Сам факт наличия массового антикоммунистического сопротивления в Сибири спустя несколько месяцев после поражения белых, по мнению автора, свидетельствовал о стихийных, глубоких и широко распространенных антисоветских настроениях сибиряков. Всю ответственность за эту антипатию Перейра возлагает на большевистское правительство, которое, по его мнению, сознательно шло на обострение отношений с крестьянством, стремясь решить за его счет свои насущные задачи. Одной из главных задач большевиков было избежать голода в промышленных центрах. Поэтому Сибирь рассматривалась в Москве в основном как регион, обладавший значительными запасами продовольствия.

Характерно, что применительно к январю – марту 1921 гг. Перейра предпочитает говорить о нескольких крестьянских восстаниях, локализуя их в соответствии с уездными центрами, которые подверглись атакам повстанцев. Среди наиболее значимых восстаний он выделяет Кокчетавское,

Петропавловское, Ишимское и Тобольское. Пользуясь значительной поддержкой населения, считал Перейра, в феврале 1921 г. крестьянские повстанцы установили контроль над значительной территорией, тем самым заставив Москву пересмотреть свою политику: «Западносибирские крестьянские восстания, вместе с совпавшими с ними по времени волнениями в Тамбовской губернии и Кронштадте, а также реакция Москвы на эти события, изменили природу Гражданской войны в России на ее последней стадии... На этой стадии, в условиях, когда уже не было противостояния с белогвардейцами, буржуазией или иностранцами, Красная армия была вынуждена вести войну против российского крестьянства» [7. С. 163].

Таким образом, даже с учетом того, что последствия противоборства «тоталитаристского» и «ревизионистского» течений все еще сказываются в современной англоязычной русистике, можно сделать вывод, что наметился определенный консенсус относительно концептуальных рамок для изучения западносибирского восстания 1921 г. и проблемы массовых сельских движений в послереволюционной России в целом. Такими рамками чаще всего выступает Гражданская война, хронологически расширенная до 1921–1922 г. К сходному мнению склоняются и некоторые российские историки [8–11].

Однако, несмотря на это совпадение во взглядах, говорить о возникновении исследовательского дискурса об истории западносибирского восстания 1921 г., объединяющего отечественных и зарубежных историков, преждевременно. Хотя интеллектуальные «границы» между ними стали менее непреодолимыми, анализ историографии конкретной исследовательской темы позволяет сделать вывод о сохранении ряда барьеров. Так, характеризуя зарубежную историографию восстания, российские историки по-прежнему ограничиваются упоминанием работ русских эмигрантов первой и второй волны [8–11], не давая оценок трактовкам восстания, предложенным представителями зарубежных академических кругов.

В то же время зарубежные русисты пока еще слабо информированы о степени разработанности истории западносибирского восстания 1921 г. в России: ни в одном из рассмотренных выше трудов нам не удалось обнаружить ссылок на работы о восстании российских исследователей, появившихся в постсоветский период. Любопытно, что в претендующем на фундаментальность американском издании «Современная энциклопедия российской и советской истории», подготовленном в

2000 г. редакторы Дж. Н. Райн и Дж. Л. Вичински в качестве наиболее подходящего источника информации о западносибирском восстании 1921 г. используют работу М.А. Богданова [6]. Упомянувшийся выше Р. Пайпс черпал свои знания о восстании из работы И.Я. Трифонова, изданной в 1964 г. Справедливости ради необходимо упомянуть о том, что в 2000 г. обзорная статья по российской историографии западносибирского восстания 1921 г. В.И. Шишкина была опубликована в японском научном журнале [11]. Однако в самых авторитетных немецких, французских, английских и американских изданиях работ по нашей теме до настоящего момента не печатали.

Единственным же современным российским автором, чьи работы по истории западносибирского восстания известны на Западе, является омский историк А.А. Штырбул. Правда, его работа «Анархистское движение в Сибири в первой четверти двадцатого века: антигосударственный протест и негосударственная самоорганизация трудящихся» получила известность отнюдь не в академической среде, которая, как было показано выше, пока мало восприимчива к российским историографическим новинкам, а среди леворадикальных интеллектуалов-анархистов [12].

Между тем нам представляется, что для получения более полного и всестороннего знания даже об одном эпизоде Гражданской войны в России, каковым являлось западносибирское восстание 1921 г., необходим выход на качественно иной уровень взаимодействия между российскими историками и русистами из других стран, налаживание диалога на подлинно профессиональной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Figes O.* Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1989.
2. *Hosking G.* The First Socialist Society. A History of the Soviet Union from Within. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1994.
3. *Pipes R.* Russia Under the Bolshevik Regime. New York, Vintage Books, 1995.
4. *Brovkin V.N.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia. 1918–1922. New Jersey: Princeton University Press, 1994.
5. *Werth N.* Violences, repressions, terreurs en Union Soviétique. L'état contre son peuple // Le livre noir du Communisme: crimes, terreur, répression. S. Courtois et al (eds.) Editions Robert Laffont, S. A. Paris, 1997.
6. *The Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History* (ed. by G. N. Rhine and J. L. Wiczynski). 2004. Vol. 17.
7. *Pereira N.G. O.* White Siberia: The Politics of Civil War. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1996.

8. *Шишкин В.И.* К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск. 1997.

9. *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2001.

10. *Третьяков Н.Г.* Западносибирское восстание 1921 г.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 1994.

11. *Шишкин В.И.* Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta Slavica Iaponica, issue 17, 2000.

12. *Mintz F. A Siberian Makhnovschina // Organize! # 62. 2005.*